

Анатолий Галкин
Других версий не будет
Серия «Еще не вечер»

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2316675

Аннотация

Двадцать лет назад пятеро приятелей совершают убийство. Они в это время работали в архиве и случайно наткнулись на документ о кладе графа Барковского. Тогда преступники ловко запутали следствие, перевалив вину за убийство на невиновного парня. Но остались свидетели и возможные мстители...

В наши дни все пятеро преуспевают. Один даже собирается стать губернатором в приволжском городе Уварове. Но вдруг всем пятерым стали поступать угрозы. Более того, проходит серия покушений, со взрывами и гибелью случайных людей.

Еще в Москве детективное агентство «Сова» берется за это дело, но все оказывается гораздо сложнее!.. Здесь и борьба чиновников в Уварове, и шантаж, и заказные убийства, и продажные СМИ, и клад графа Барковского в старом особняке на берегу Волги. Всё смешалось!.. Правду найти трудно, но надо!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Анатолий Галкин

Других версий не будет

Глава 1

Родители ругались между собой зло и достаточно громко.

Сидя в шкафу, Лана слышала почти каждое слово... В новой шикарной квартире гардероб был единственной действительно старой вещью. Вся остальная мебель в гостиной подбиралась под этот огромный антикварный шедевр мебельного искусства. Монстр был сделан из настоящего дерева и поэтому предательски скрипел. Хорошо, что Лана успела предупредить Гошу, и они сидели в шкафу прижавшись и не шевелясь.

Может быть они и зря здесь спрятались, но, когда хлопнула входная дверь и в дальнем коридоре раздались громкие голоса родителей, Лана не размышляла. Она схватила в охапку юбку, кофту, Гошины джинсы с кроссовками и впихнула своего друга во чрево этого гиганта, пропахшего нафталином. Сама устроилась к нему на колени, закрыла створки и замерла.

На первой минуте сидения в шкафу Лане стало смешно. Когда-то ее бабушка рассказывала, что девушкой она иногда пряталась в этом гардеробе, который она странно называла «шифоньер». Но это было до войны. Бабушка еще говорила, что и ее бабушка любила здесь прятаться. Но это было до революции... Лану рассмешило не это. Она представила, что бабушки прятались здесь не одни, а со своими Гошами.

А чем плох Гоша? И не Гоша он вовсе, а Егор Рюмин, двадцатипятилетний довольно удачливый бизнесмен. Почти новый русский, но без малинового пиджака и пальцев веером. Сам он называет себя книготорговец. Это звучит гордо! Не какой-нибудь продавец куриных ног, не торговец пивом, а несущий народу культуру, внедряющий в массы умное, доброе, вечное.

Конечно, Егор давно уже сам не стоял у прилавка. У него была сеть магазинчиков, киосков, палаточек в самых людных местах.

Но дело не в профессии. Гоша был просто отличный парень, и Лана хотела показать его родителям, но не без штанов же! Да и она сама в кружевных трусиках выглядела уж очень откровенно. Нет, гораздо надежней отсидеться в шкафу...»

Родители ругались все громче. Теперь и вовсе нельзя покидать убежище. Это будет ведро бензина в костер их ссоры. Все сгорят! И за что?.. За любовь!

Нет, характер у Ланы был железный. Она знала, что в любом случае Гоша не преодолел бы сегодня последнего рубежа её обороны... Были бы поцелуи и страстные объятия... Возможно, она дала бы чуть больше воли его шаловливым ручонкам. Может быть и еще что-нибудь, но не дальше... Это был бы, конечно, секс, однако очень ограниченный и строго нормированный.

И все это надо было объяснять родителям, стоя перед ними в одних французских трусиках рядом с полуголым книготорговцем... Нет, в шкафу душно, тесно, но спокойно.

Родители продолжали ругаться...

Только потом Лана поняла, что надо было не вспоминать бабушкины проказы, не размышлять о путях сохранения девической чести, которую к двадцати годам не грех и потерять. Надо было слушать родительскую ругань с первого слова.

А Егор размышлял о своем. Он, как оказалось, тоже в суть разногласий будущей тещи с тестем врубился одновременно с Ланой на ключевой фразе: «Я двадцать лет воспитывал

твою дочь и всегда хотел иметь своих детей. Но ты мне этого не дала. Я не забыл о трех твоих абортах... Почему?»

Сидящие в шкафу не успели переварить сказанное, как последовал не менее яркий ответ: «Я не хотела, чтоб такие уроды размножались!»

На этой фразе Лана, забыв об осторожности, прошептала: «Вот это, блин, шок! Это по-нашему».

Сказанное в шкафу слилось со звоном хрусталя со всего размаха влетевшего в стену. По дрожанию створок своего убежища и Лана, и Егор поняли, что взорвалась не рюмка, не фужер, а тяжелая ваза или в крайнем случае графин.

Это была салатница из богемского стекла. Ее смерть оказалась пиком скандала, после чего последовал мгновенный спад страстей. Мать шуршала веником, звонко сгребая осколки в совок. Отец же ходил мимо шкафа и затравленным тихим голосом говорил:

– Я боюсь... Нет, это действительно опасно. Позавчера такое письмо получил Ботаник. Вчера Гарик и Шишка. Сегодня я! Наверняка и Титан получил или получит скоро. Кто-то всех нас приговорил.

– За все надо отвечать.

– Надо, Люба. Я готов покаяться. Деньги дать на храм или в приюты.

– Для написавшего письмо это не равноценный ответ.

– А что такое равноценный? Смерть за смерть? Но я не убивал. Да и срок давности прошел. Двадцать один год... Надо охрану нанять. Или спрятаться... В милицию нельзя. Не арестуют, не докажут ничего, но фактики журналюгам продадут. Все к черту полетит, а угроза останется... Надо самим что-то делать. Ты мне поможешь, Люба? Мы столько с тобой прожили если не в любви, то в согласии... Поможешь?

– Помогу.

– Точно обещаешь?

– Обещаю... Нам уходить надо, Володя. Я не хочу со Светланой встречаться.

– Да уж! По нашим рожам Лана сразу все поймет. Умная девочка.

Голоса затихли, хлопнула входная дверь и узники вывалились из шкафа. Встать на ноги удалось не сразу, но язык ворочался. Они сидели на ковре и короткими фразами обсуждали услышанное.

– Лана, а твои всегда так базарят?

– Ты что, блин, сдурел? Я сама в полном шоке... Получается, что я ему не родная дочь?

– А ты забудь! Сразу легче станет.

– Не смогу, Гоша. Любить буду как отца родного, но забыть не смогу... Не это сейчас главное: родной – не родной. Ты про угрозы слышал? И голос у отца какой-то упаднический. Он реально смерти боится.

– И не он один. Ты клички не запомнила? Ботаник, Титаник...

– Не так, Гоша. Ботаник, Титан, Шишка и Гарик. Надо записать... Там на столике бумага и ручка. Ползи!

Егор пополз, но перед журнальным столиком вскочил на ноги.

– Это не бумага, Ланка. Это письмо. То самое.

Пока Светлана читала письмо Егор замер рядом и уставился на ее грудь. Он подирал глазами это чудо. Конечно, в журналах он видел и не такое, но это были картинки с далекими и чужими девушками, а здесь живая, близкая и своя. Час назад, когда Лана впервые скинула перед ним футболку, он ничего не успел разглядеть: все мелькало, в голове туман, в глазах искры.

Светлана по третьему разу вчитывалась. Она почти не заметила, как рука Гоши легла ей на плечо и ласково спустилась чуть ниже. Когда его вторая рука проделала тот же маневр,

Лана игриво выскочила, схватила футболку и, стоя в метре от него, очень медленно начала натягивать на себя, приговаривая:

- На сегодня спектакль закончился. Занавес закрывается. Продолжения не будет.
- Сегодня не будет, а завтра?
- Завтра только после работы.
- Какой работы?
- Завтра я займусь поисками автора письма. Будешь помогать?
- Буду.
- Тогда начинай! Перепиши, Гоша, эту анонимку и положи письмо, как оно и лежало.

Да, не забудь потом джинсы одеть.

Задание было простым. В письме всего несколько машинописных строк:

«За все надо платить!»

Наслаждайся последними днями своей подлой жизни. Кайся и вспоминай тот вечер в архиве.

Жаль, что твоя смерть не искупит всего".

Пока Егор переписывал этот странный и страшный текст, Лана листала семейную записную книжку. Вдруг она закричала:

– Нашла! Первый попался. Смотри, Гошенька, есть Андрей Викторович Шишов. Чем не Шишка. Осталось найти троих.

Егор тоже полистал телефонную книжку.

– Гарика не найти. Он может быть и Игорем, и Гришей, и Егором. Вон их здесь сколько... А Ботаник просто очень умный и в очках... Самсонов есть! Он мне Титана напоминает. Тоже крепкий мужик. Тот льву пасть раздирал, а этот небо на руках держал.

– Неуч ты, Гошенька! Небо держали Атланты. А Титаны...ну они совсем другие... Завтра начинаем пасти Шишова.

– До скольких работаем, пастушка? Ты мне обещала после работы.

– После успешной работы!

* * *

Москву заволокло дымом. Такого жаркого лета не было уже давно. Горели леса, тлел торф, плавились мозги и слезились от едкого смога глаза.

Олег старался не гнать, хотя звонок, позвонивший его в путь, был тревожный. Новая клиентка по имени Маргарита разбудила его в шесть утра и буквально кричала о покушении, об уликах, об убийцах, проникающих через забор.

Надо было бы задать уточняющие вопросы, но мозги просыпаются медленнее языка. Олег уверил клиентку, что будет у нее через час и только после чашки крепкого кофе проснулся окончательно. Он понял, что поспешил пойти на поводу у взбалмошной клиентки. Ему даже показалось, что он не услышал ее первых слов: «Мне приснилось...» Тогда бы было все на своих местах: и бомба под кроватью, и взрывники на заборе.

Однако – клиент всегда прав... Маргарита Семеновна появилась в офисе детективного агентства «Сова» вчера в полдень.

Из-за августовской жары, дыма и полного отсутствия клиентов шеф «Совы» распустил сотрудников в длительный, очень мало оплачиваемый отпуск. Олегу досталась почетная задача – сторожить офис и ждать того чудака, которому в это пекло вдруг понадобится помощь частного детектива. Не отходя от вентилятора, Олег терпеливо ждал клиентов.

Терпение всегда вознаграждается. Вчера в офис ворвалась Маргарита Семеновна. Ей было лет сорок, выглядела она на тридцать пять, но старательно играла тридцатилетнюю.

– Мне будет удобней, Олег, если мы сразу перейдем на «Ты». Мы почти ровесники и я для тебя просто Рита... Я так волнуюсь. Даже не знаю с чего начать.

– А вы, Маргарита Сергеевна... Начинай, Рита, с главного!

– Слушай, Олег, моего мужа хотят убить!

– Кто?

– Аноним.

– А кто у нас муж?

– Депутат Государственной Думы.

На слабые нервы Олег никогда не жаловался. Но после неожиданного заявления клиентки ему не удалось скрыть растерянности.

Конечно, взбалмошная Маргарита могла и соврать. Она вообще могла быть шутницей, искательницей приключений, сдвинувшейся от жары. Или, что еще хуже, обыкновенной нормальной «шизой», сбежавшей из дурдома. Такое уже бывало. Раньше все шизики в период обострений толпами шли в КГБ, но в рыночную эпоху и у них появился выбор. Свобода! Альтернатива: хочешь в ФСБ, а хочешь в частное детективное агентство «Сова».

Очевидно, что Маргарита уже не раз попадала в подобные ситуации:

– Ты мне не веришь, Олег? Я это предвидела и захватила доказательство. Вот фотографии: это мой Дрюсик на трибуне рядом со Спикером...» А это мы с ним на банкете в Кремле. Видишь к нам рука с бокалом тянется? Это честь от Бориса Николаевича. Весь он в кадр не попал, но рука его. Узнаешь?

Руку Олег не узнал, банкетный зал был действительно Кремлевский.

– Убедился, Олег? Я и сама раньше думала, что депутаты или министры люди особые. Сливки общества! Так нет – обычные мужики. Многие очень скучные и тупые... Так вот, сегодня утром мой Дрюсик...

– Прости, Рита, а как полное имя вашего... твоего мужа?

– Дрюсик ласкательное. Андрей Викторович Шишов... Итак, Дрюсик сегодня в почте находит письмо. Читает и зеленеет. Вскрикивает злой, дрожащий, суетливый. Рвет письмо и бросает в урну... У нас очень красивая урна: мраморная с зеленоватыми крапинками. Итальянская. Она сорок три доллара стоила, но мне удалось за двадцать пять ее взять... Так вот, Дрюсик рвет письмо и убегает в столовую. Там у нас в баре для снятия стресса на любой вкус есть. Дрюсик в таких случаях обычно виски принимает, а я джин. И чистый, без всяких тоников... Пока Дрюсик успокаивается, я складываю обрывки, читаю и получаю шок – прямая и явная угроза убийством, а еще в таком издевательском тоне.

– Рита, ты письмо захватила?

– Естественно! Я же все понимаю: улики, отпечатки... Я помню, такой случай у Гарднера описан. Жена приносит адвокату Мейсону письмо с угрозами, а на следующий день мужа убивают... Вы любите Гарднера?

– Люблю... А ты не предложила мужу обратиться в милицию?

– Естественно! Дрюсик даже и слушать об этом не хотел. Категорически был против. Никто, говорит, об этом не должен знать: ни МВД, ни ФСБ, ни черт, ни дьявол. Но, поскольку он не упомянул частных детективов, я к вам и пришла... Сыщик, он как личный врач. Ему можно доверять, Олег?

– Без всяких сомнений... А где письмо?

Наклеенные на картонку обрывки анонимки содержали текст с угрозой. Правда, она не была уж очень явной и совсем не прямой. Первая фраза была философской и поэтому туманной: «За все надо платить!...»

...Визит Маргариты завершился авансом в пять тысяч зеленых, и теперь Олег не мог не работать по этому пока еще странному делу. Ко вчерашнему вечеру у него уже было маленькое досье на депутата Андрея Шишова, известного также под домашней кличкой Дрюсь.

Все это было вчера. А сейчас Олег мчался по дымному Киевскому шоссе в сторону дымного поселка Внуково.

Встречу взбалмошная Маргарита назначила не около дачи уважаемого депутата, а в километре от нее: «на повороте около столетнего дуба».

Возможно, что в этом был какой-то тайный смысл. Опять же удобно: Олегу не пришлось светиться на улочках дачного поселка в поисках нужного дома.

Маргарита ждала в тени дуба. Легкий спортивный костюм плотно облегал молодящееся тело. Бывший при ней яркий пластиковый пакет являлся, очевидно, элементом конспирации: вышла, мол, в столь ранний час за хлебом и молочком для мужа.

Еще не успев захлопнуть за собой дверцу машины, Марго начала выкладывать Олегу факты:

– Я их видела! Обоих! Не знаю, как они проникли на наш участок, но я их заметила вечером в беседке. В первый момент я не испугалась, а даже заинтересовались. Сами понимаете, Олег, зачем молодая парочка может уединиться в тенистой беседке на чужом участке.

– Понимаю.

– Вот и я так решила. Подглядывать за всякой ерундой я не люблю, но здесь совсем другой случай... Я подкралась и затаилась в двух метрах от них. И что вы думаете? Они двадцать минут смотрели в сторону дома, шептались и вяло обнимались. Даже не целовались! Меня это возмутило. Я встала и шуганула их.

– Как?

– Потребовала убратся! Я сказала, что нечего здесь устраивать гнездо разврата... Они моментально рванули к забору, где навалены доски. Перемахнули его и скрылись. Я на всякий случай вышла за ворота и не зря. Мимо пронеслась машина с этой подозрительной парочкой.

– Цвет машины?

– Синий.

– Марку, конечно, не знаете?

– Отчего же... Опель-Вектра.

– Может быть и номер запомнили?

– Естественно! И запомнила, и записала. Держите: здесь и номер, и приметы преступников. Девица так себе, а парень очень симпатичный.

Олег на несколько минут затих и забыл о сидящей рядом Маргарите. Он работал. План дальнейших действий складывался сам собой: через час он установит машину, через два – выйдет на преступную шайку в количестве двух сопляков, через три – добудет образцы их почерков и, если один из них совпадет с запиской, дальше дело техники. Вечером Олег организует захват. Легкое психологическое давление и парочка расколется, осознает и будет просить прощения, осознает и будет просить прощения у Марго и ее сановного мужа. Все! Можно считать, что гонорар Олег отработал... Неприятно только, что в успехе столь большая доля самой клиентки...

На слове «успех» Олег пришел в себя. Какой успех?! Пока это не журавль в руках, а лишь синица в небе.

– Вот что, Рита. Я получил от тебя отличные наводки. Надо срочно работать. Я помчался. Хорошо?

– Хорошо... А как же бомба?

– Какая бомба?

– А ты, Олег, решил, что я тебя в шесть утра из-за этой вчерашней парочки звонила? Бомба это самое главное... Сегодня около шести мне захотелось встать и погулять. Ну, ты понимаешь... Спросонья загнала тапок под кровать, наклонилась, а она там и лежит.

– Кто?

– Бомба... Коробка меньше обувной, а внутри брусочки в изолянте, проводки и часы. Все как в кино.

Олег похолодел. До сих пор Марго ему не врала. Очень похоже, что бомба действительно была. Вернее – есть! Но где?

– Муж еще спит?

– Да.

– Бомба под кроватью осталась?

– Нет, я ее вытащила.

– Не трогала в ней ничего?

– Как же, не трогала... Я ее обезвредила. Как в кино: сначала красный проводок перекусила, потом синий.

От такой тупости и простодушия похолодевшего Олега опять бросило в жар. Он попытался задать вопрос спокойно, но последнее слово прокричал как последний истерик:

– Ты только не волнуйся, Рита. Сама больше ничего не делай... Где бомба?!

– Нечего на меня орать! Вот она в сумке. Я ее с собой принесла. Я же понимаю: улики, отпечатки и все такое.

Олег еще раз похолодел. На такой жаре это было даже приятно. Только скулы свело и руки дрожали, когда он вытаскивал из сумки картонную коробку.

Взрывник оказался аккуратистом: шесть толовых шашек залиты силикатным клеем, в котором утопали ровные шеренги крупных гаек и шурупов. В правом углу топорщились перекусанные Маргаритой проводки, а над ними весело прыгали секунды электронного будильника.

Было утро, но часы таймер в коробке почему-то показывали двадцать три часа пятьдесят семь минут.

Поскольку кроме двух перекусанных проводков на задней стенке коробки были видны дублирующие: и желтые, и зеленые, и белые, Олег сразу же понял намек будильника: «Время – без трех минут полночь».

Он вылетел из машины, стараясь не трясти коробку, и побежал к дубу.

Это все врут, что в минуту смертельной опасности перед глазами проходит вся жизнь. Перед Олегом витал лишь образ его любимого шефа, основателя детективного агентства «Сова» Игоря Савенкова. Старик из последней заначки купил для фирмы новенькую красную "Шкоду", жизнь которой висела на волоске. Не вспомни глуповатая Маргарита о бомбе и через две минуты десятки шурупов и гаек впились бы в конструкции новенького автомобиля. Взрывная волна подняла бы крышу, оторвала колеса, смяла все внутри...

Олег почти поравнялся с дубом, за которым была роща на краю оврага. Опустив коробку на склон, можно было бы не волноваться: взрывная волна пойдет вверх, вбок, вниз. Куда угодно, но не в сторону красной "Шкоды".

За три метра до огромного корявого ствола Олег услышал за спиной требовательный возглас:

– Пойдите, Олег! Я никак не могу вас догнать. Остановитесь на минутку.

Олег неуклюже затормозил, попытался оглянуться и, зацепившись за выпиравшие из земли дубовые корни, завалился на бок. Коробка отлетела вперед и легла на дно небольшого провала, уходящего куда-то под ствол великана. Крышка отвалилась еще в полете и Олег четко видел мигающий будильник: двадцать три пятьдесят девять.

Маленький рывок вперед и Олег со злостью запихнул адский прибор в «лисий нору» под дубом. Рука ушла вглубь по самое плечо.

Без груза назад бежать было легче.

Они успели даже сесть в спасенную "Шкоду", отъехать метров двадцать, когда сзади ухнуло.

За поворотом на основную дорогу Олег остановился и оглянулся: дуба больше не было. Вместо него образовался пейзаж, напоминающий картину Шишкина «Бурелом»...

– Олег, ты вчера верил, что моего мужа хотят убить?

– Почти не верил!

– А сегодня утром?

– Верил, но не очень.

– А сейчас?

– Сейчас верю... Спасибо, Рита, что вспомнила о бомбе.

– Олег, ты меня научи, какие провода надо перекусывать. Вдруг еще раз бомбу подбросят...

* * *

Олег уже третий час наблюдал за зелеными воротами одинокого кирпичного гаража. Он мог уже с закрытыми глазами описать все особенности этого неказистого сооружения: отогнутые створки со следами взлома, потеки старой краски на петлях, несколько ржавых пятен, расположенные в виде ковша Большой медведицы.

Так рано начавшийся день был суматошным.

После гибели дуба Маргарита бросилась к мужу, а Олег занял позицию перед дачей. Он ждал самого простого решения: депутат выдает звонок Директору ФСБ, через час и дуб, и дачу облепит толпа следователей со спецназом, сиренами и мигалками. В такой толпе место частного сыщика десятое: собирай через свои связи информацию о ходе следствия и докладывая клиенту.

Однако минут через двадцать Марго вышла и сообщила неожиданное: «Очень удачно! Муж решил на две недели уехать в деревню... Ни о какой милиции он и слышать не хочет. Считает, что у меня крыша поехала. Я ему говорю, что взяла бомбу под кроватью и взорвала дуб, а он ехидно смеется. Считает, что дерево завалили те, кто хочет коттеджики на том участке построить, а дуб – памятник природы... Короче, пока муж в деревне, мы сами это дело распутаем... Ты, Олег, ищи сладкую парочку, а я пойду другим путем».

Хозяин – барин! Если Маргарита платит немалые деньги, то имеет право и командовать бедным сыщиком.

Олег бросился на поиск проникших на дачный участок молодых злоумышленников. Тем более, что найти их плевой дело: Марго дала и номер синего "Опеля", и приметы обоих.

Через два часа Олег был в одном из переулков на Сретенке, где проживал некий Егор Рюмин, двадцатипятилетний бизнесмен без определенного места работы. Его торговая фирма была зарегистрирована на домашний адрес. И офиса у него не было: двадцать книжных лотков на самых людных местах и три «Газели», развозившие продавцов с товаром утром и собиравшие их вечером. Сам Рюмин руководил: закупал книги, платил зарплату, считал и скрывал от налогов доходы.

Олег не стал опрашивать соседей и старушек около дома. Слишком большой риск засветиться раньше времени. Достаточно было маленькой задушевной беседы с дворовым алкашом: «Правильно, ты, Олег, говоришь – все сейчас куплено! У кореша моего гараж был, и тот у него купили. И кто? Пацан из пятой квартиры... Каждый вечер теперь он, пацан этот, свою иномарку синюю туда загоняет, а в ней уже девица сидит. И целый час они в машине сидят. Не знаю, чем занимаются, но догадываюсь... Откуда девица? Здешняя. Из соседнего дома...»

Гараж прятался в глубине старого двора в Колокольниковом переулке. Справа его прикрывали два огромных тополя, слева – строительный забор.

Сидя в засаде, Олег выучил наизусть угрожающее письмо, с которого все и началось. Он пытался вытянуть из текста какую-нибудь информацию, но ничего не получалось. Единственная ключевая фраза: «...вспоминай тот вечер в архиве». Получалось, что муж Марго депутат Шишов сделал когда-то в каком-то архиве что-то очень нехорошее. Такое нехорошее, что не хочет об этом вспоминать и даже после бомбы под кроватью боится вмешивать в это дело милицию. Бессмысленно гнаться за ним в деревню и выяснять где тот архив и что там случилось. Ну и черт с ним! Олег не сомневался, что завтра, пройдясь подробненько по биографии Шишова, он найдет и архив, и его страшную тайну. Но все обнаружилось уже сегодня и почти само собой...

Синий "Опель-Вектра" появился после захода солнца. Он мягко прокатился по двору и встал около гаража. При свете фар Рюмин распахнул ворота. До того, как он загнал машину в кирпичный короб, из нее вышла девушка. Она подождала, пока Опель встанет на свое законное место, и начала закрывать ворота.

Олег проскочил внутрь в последний момент:

– Спокойно, ребята! Сопротивление бесполезно... Два-три вопроса и мы мирно разойдемся... Вы были на даче у депутата Госдумы Шишова.

– Депутата?!

Изумление обоих было очень искренним. Кроме того, их уж очень испугал вид газового пистолета, который сразу же продемонстрировал Олег... Нет, эти ребята не вписывались в образы боевиков – бомбистов. Слабо им!

– Да, ребята. Вы напали на депутата. А это уже дело политическое. Кто вам дал бомбу?

– Какую бомбу?

Девушка сделала шаг вперед, отстранив Егора Рюмина. Она давала понять Олегу, что разговоры надо вести с ней. Она здесь хозяйин.

– Так вот, милая девушка, вы со своим сообщником незаконно проникли на дачу депутата вчера вечером. Ночью кто-то подложил ему бомбу, а утром он чудом избежал смерти... Улавливаете связь?

Лана уловила все очень быстро... Парень, задержавший их не мент, не бандит. Угрожает, но не грубо, а вкрадчиво. Скорее всего он из ФСБ, а с этой конторой лучше не юлить. Да и нет тут большой тайны... Лана начала сбивчиво:

– Про бомбу ничего не знаем... Вчера родители пришли не вовремя, а мы... не в полном порядке. Пришлось прыгать в шкаф...

Все, сообщенное Ланой, вызывало доверие. Такое трудно придумать... Изредка Гоша перебивал девушку, поправлял, уточнял детали.

Олегу все это не очень нравилось. Еще утром была одна угроза, одна бомба и пара подозреваемых. Теперь же подозреваемых нет, но зато минимум пять писем и... Об этом не хотелось и думать. Если автор угроз последователен, то и бомб может быть пять. Это в том случае, когда убийца без фантазии. Творческая натура угробит свои жертвы любым из десятков способов криминального меню: отравит, утопит, прирежет, повесит, застрелит. В крайнем случае устроит аварию или сбросит на голову кирпич.

Пауза затянулась... И Лана, и Гоша ожидающе смотрели на Олега. Это был честный взгляд.

В свое время, обучаясь в Высшей школе КГБ, Олег полюбил психологию, прикладную ее часть, где по элементам поведения, мимики, движениям рук и глаз можно было определить любую скрываемую информацию. Глаза, они недаром всегда были зеркалом души.

Человек обычный воспринимает все интуитивно, а наука говорит, что взгляд может быть бегающий, блестящий, отсутствующий, пристальный, остекленелый. Смотреть можно искоса, отводя или опуская глаза, настойчиво вглядываясь. Зрачки могут расширяться или сужаться, сумбурно бегать. Веки могут быть широко открыты или часто моргать.

Каждому из этих положений соответствует свое состояние: страх, стыд, недоверие, возбуждение, обман, враждебность... Скрыть это почти невозможно.

И Лана, и Гоша смотрели чуть взволнованно (что нормально), чуть смущенно (и это в их положении естественно), но взгляд их был честен.

– Значит так, ребята. Я вам почти верю. Но бомба-то была. Не хочу пугать, но твой отец, Лана, в большой опасности... Выпускать вас из гаража я пока не хочу. Звони, Света, домой. Пусть отец срочно придет сюда.

По ходу разговора лицо Ланы стало тревожным. По ее коротким репликам Олег понял, что день страшных новостей для него еще не закончился и что сейчас он получит очередную «бомбу»:

– Понимаете, Олег, отца дома нет. Он уехал к другу, полковнику ФСБ, потому что еще одного их друга похитили... Фамилия того, которого украли – Самсонов. Помните, Олег, это Гоша решил, что Самсонов может быть Титаном, а значит, ему тоже прислали письмо... Страшно другое. Мать говорит, что свидетель видел, как машину Самсонова прижал к обочине синий Опель-Вектра... Теперь, Гоша, на нас и бомбу повесят и Самсонова.

Олег очень хорошо понимал, что Лана права. Стоит следствию узнать то, что знает Олег: про письмо, про бомбу, про беседку на даче Шишова, про синий Опель – ребята сядут без вопросов. Особенно, если на сегодняшний вечер у них нет внятного алиби.

– Егор, твоя машина весь день была под присмотром?

– Да, весь день... Сначала я по своим точкам ездил. Потом мы с Ланой поехали к офису Самсонова. Я представился родственником, но внутрь меня не пустили. Охранники сказали, что, если вы племянники, то поезжайте вечером на дачу. Дали адрес, мы и поехали... Три часа его у ворот ждали, а он все не ехал. Мы вернулись и вот с вами встретились.

Олег поежился. Ребята засветились везде, где только можно. Будь Олег адвокатом, он не взялся бы защищать эту парочку...

– Значит так... Звони, Светлана, матери. Пусть срочно приходит сюда. Если охрана у офиса Самсонова запомнила хоть часть номера твоей машины, Гоша, то милиция уже у тебя дома...

– Не милиция, – перебил Олега Егор. – Не милиция! Самсонов, он Управделами «Макойла». Его ФСБ искать будет.

– Тем более! Звони, Лана! Будем думать, как выпутываться.

...Любовь Саблина вошла в гараж через пять минут после звонка дочери.

Она была всего на пять-семь лет старше Олега. Ей чуть перевалило за сорок...

Олег Крылов никогда не оценивал женщин по внешности. Он не понимал людей, которым нравился определенный тип: длинноногие брюнетки или пухлые блондинки. Губки, носик, бедра, грудь, наконец, – это же все внешние приметы из протокола. Красота не в этом. Она в глазах. И не в их цвете или размере, а в том, что они отражают...

Мать Ланы была красавицей: в ее глазах был и ум, и доброта, и какая-то глубинная печаль.

Саблина «врубилась» очень быстро. Могло даже показаться, что она была готова к такому повороту событий:

– Не все так страшно, Олег. Если основная улика эти угрожающие письма, то я знаю, кто их написал. Точно знаю и могу доказать... В памяти компьютера остался текст... Возможно на бумаге есть отпечатки пальцев. Можно сверить конверты. Их целая пачка в столе.

– В каком столе, Любовь Сергеевна? Кто написал и отправил письма?

– Я написала... И я отправила.

Глава 2

– Ни к бомбе, ни к похищению Самсонова я отношения не имею. Но письма, – повторила Люба Саблина, – письма направила я. У меня были на это причины... Олег, пусть дети погуляют снаружи. Если вы обещаете хранить тайну, я скажу вам то, что никогда не буду говорить при них.

Пока Егор и Лана недовольно выползали из гаража, любовь Сергеевна пыталась сосредоточиться... Частный детектив – это то, что в настоящее время нужно. Она, конечно, не расскажет ему все. Невозможно передать ощущение счастья, которое предшествовало тому страшному вечеру, сломавшему ее жизнь. Она выложит Олегу только сухие факты, но он должен ее понять. У этого парня очень добрые глаза.

Заметив, что Олег вынул диктофон, Саблина согласно кивнула:

– Да, конечно. Стоит все записать. Будет много фактов, фамилий, дат... Все началось пятого ноября восьмидесятого года. У нас на работе был праздничный вечер. Я со своим другом сбежала с концерта. Мы заранее с ним договорились...

Люба говорила четко, спокойно, но где-то в глубине сознания мелькали совсем другие картинки. Вспоминалось то, что было за год до этого вечера:

«...Я воспитывалась в семье, которую тогда называли интеллигентной. Мама работала в детском издательстве, а отец был кандидат наук и писал исторические монографии.

Школу заканчивала почти круглой отличницей. Я не была умней других. Просто мне не хотелось отвлекаться от учебы. Я не понимала, зачем все стремятся на танцы или собираются у кого-нибудь на квартире и слушают громких «битлов». Тем более было непонятно, зачем поздними вечерами уходить с мальчиками в далекий парк, прятаться, целоваться.

Тогда я вообще считала, что целоваться можно только с будущим мужем. И только в день свадьбы или, в крайнем случае, накануне. А жених, думала я, появится в нужное время сам собой.

И еще я считала, что поцелуй это верх близости между мужчиной и женщиной. Понятно, что детей не в капусте находят, что есть беременность, но я думала... Да ничего я тогда об этом не думала! Не знала и знать не очень хотела. Просто жила, училась, готовилась в институт.

Первая трагедия в жизни – я провалилась в МГУ.

Весь август я проплакала. В сентябре родители, лечили мои нервишки в Крыму, а в октябре я уже пошла работать.

Отец по своим историческим связям устроил меня в архивный городок на Пироговке. Место было относительно престижным – не завод, не магазин, не домоуправление. Огромный комплекс из нескольких государственных архивов и Главное управление. Сюда приходили и аспиранты и академики – солидная публика. Здесь пахло вековой пылью и витали тени предков.

Однако, коллектив был на три четверти женский и потенциальных женихов опекали плотно.

Моей подружкой стала Маринка, библиотекарь Главка. Сотрудники столько читали на работе, что к ней почти никто не заходил.

Мы болтали обо всем на свете... Однажды Маринка сообщила, что познакомилась с хорошим парнем по имени Диего: «Нормальное имя. Он просто иностранец. Из Колумбии. У них все не как у нас. В магазинах все есть и поцелуев у них двадцать три способа. Точно! Диего меня научил самому страстному. Он у них называется «мурмурале». Губы надо широко, язык глубоко и все это очень долго. Сначала медленно, а потом быстрее, быстрее... Хочешь покажу?»

Через неделю Диего провел с Маринкой еще несколько уроков колумбийской любви. Потом их отношения углубились...

Каждую свою встречу с Диего Маринка описывала мне в мельчайших подробностях. Как-то приволокла импортный журнал с фоторграфиями барельефов из индийских храмов. Это было наглядное пособие для моего обучения.

Странно, но слушать Маринкины рассказы мне не было противно. Возможно, подкупала ее бесхитрость, наивность... Сначала мне было интересно, потом очень интересно. Я вдруг начала представлять себя не ее месте и тогда приятно кружилась голова, а по всему телу разливалась сладкое томление.

Я долго не решалась пойти вместе с Маринкой и встретиться с другом Диего, которого тот готов был предоставить в любой момент. Меня останавливало только то, что они иностранцы. Отец с детства научил меня бояться «не наших» людей. Половина из них шпионы, а остальные их пособники. Я даже спросила об этом Маринку, но та отшутилась: «Диего – шпион? Он не шпион, а бандит. Ты знаешь, что он вчера со мной проделывал? Вот, слушай...»

Я уже решила на встречу с другом Диего, но за хорошую комсомольскую работу мне вдруг предложили срочно поехать в братскую тогда еще Польшу. Там я в первый раз влюбилась.

Вадим был молодой горкомовский работник. Красив, умен, жизнерадостен. На всех встречах с местными он провозглашал грузинские тосты, а завершал застолье выученной в первый же день польской песенкой – здравницей:

*Сто лят, сто лят
Нех жие, жие нам...
А хто з нами не выпие,
Нех го Перун чашине!*

Пеенка была длиннее, но запомнилось только начало и конец. Переводилось это смешно и просто: «Давайте жить сто лет. А кто с нами не будет пить, путь того Перун поразит громом и молнией».

С каждым днем он мне нравился все больше. В последний вечер группа гуляла по Варшаве. Вадим взял меня за руку, мы отстали и затерялись в городском парке... Теперь я понимаю, что была тогда первой, кто попался ему под руку. Но все было прекрасно, как в волшебном сне. В безлюдном парке мы нашли самое глухое место: скамейка пряталась в зарослях высокого кустарника, а до ближайшего фонаря было не менее ста метров.

Маринкины рассказы подготовили меня ко всему. Я знала, что будет делать Вадим, ждала и хотела этого.

Сначала он долго шептал мне ласковые слова, потом его губы прикоснулись к моей щеке, а правая рука проскользнула под плащ.

Странно, что через двадцать с лишним лет я помню эти прикосновения так реально... Есть вещи, которые невозможно повторить. Вадим до конца моих дней будет первым, кто меня поцеловал, первым, кто дотронулся до моей груди. Он мог бы и вообще быть моим первым мужчиной. В ту ночь я была готова отдать ему всю себя, но помешал вдруг вынырнувший из темноты человек в смешной форме варшавского полицейского. Его фонарик скользнул по Вадиму и остановился на мне. Из двух звонко – шипящих польских фраз я поняла, что он потребовал мои документы. Я до сих пор помню этот ехидный голос. Он принял меня за проститутку. Вадим, как клиент, его интересовал мало, а задержанная в борьбе за нравственность девочка могла пригодиться. Для галочки в отчетах или для других целей.

Я окончательно влюбилась в Вадима, когда он бросился меня защищать. На дикой смеси русского, украинского, польского и немецкого языков он заявил, что мы советские люди, что мы любим Варшаву, но завтра убываем в Москву. И вообще – спасибо и привет. Звучало это так: «Мы естем радечки. Завтра мы нах хаузе фарен. Нам бардзо пшиятно в Варшаве... Дьякую, шановний пан. До побаченья».

На последних словах Вадим выдернул меня со скамейки и быстрым шагом удалились от ошалевшего полицейского.

Жаль, но Вадим был, очевидно, выбит из колеи и ему было не до нежностей. На следующий день был поезд до Москвы, в котором тоже ничего не сложилось, кроме коротких поцелуев в тамбуре...

Следующий месяц был самым длинным в моей жизни – я ждала звонка Вадима. Наконец я наплевала на гордость и позвонила сама.

Он узнал меня сразу, обрадовался, начал вспоминать ту ночь в Варшаве, глупого полицейского, наш испуг... Вадим был нежен. Он сам предложил встретиться и продолжить то, что мы начали в варшавском парке. Он сказал, что будет свободен через неделю, когда отвезет жену в родильный дом...

Тогда мне казалось, что произошла самая страшная трагедия в моей жизни. Я просто не знала, что произойдет через несколько месяцев.

...Сережу Ляхова я видела часто. Он работал в соседнем архиве и мы встречались в столовой, в клубе, по дороге к метро. Я видела его каждый день. Видела, но не замечала. Тихий, милый мальчик с добрыми глазами. Невзрачный какой-то. Без гордо расправленных плеч и орлиного взгляда. Не такой, как Вадим.

Пока я страдала, я не замечала никого. Я проклинала всех: тех, кто подсунул мне путевку в Варшаву, всю польскую полицию, Вадима, его жену, рожающую ему ребенка, своих родителей, давших мне неблагозвучную, несчастливую фамилию. Можно ли полюбить Любовь Гнилову? Можно ли вообще жить с таким именем?

Через месяц мне надоело страдать. тогда я впервые заметила глаза Сергея. Мне показалось, что все это время он следил за мной, оберегал меня, понимал. Его взгляд сопереживал.

Через неделю мы «случайно» встретились после работы и пошли к метро. Но не к ближайшему, не на Фрунзенскую, а на Ленинские горы.

На следующий день Сергей ждал меня с цветами. Мы опять гуляли, но дольше и говорили откровенней.

Сергей Ляхов не был напорист в ласках. Он был робок, но завоеванные позиции держал крепко и с каждым днем хоть на сантиметр продвигался вперед.

Так к концу октября мы подошли к последней черте. Прямо об этом не говорили, но чувствовали, что оба готовы к самому главному.

Ноябрьские вечера проходили в нашем управлении как и везде: торжественное заседание с красным сукном и графином, концерт жалкой самодеятельности и танцы в полумраке, перед которыми все разбегались по кабинетам, звенели стаканами и возвращались в зал веселые, громкие и раскованные.

Еще утром Сергей предложил: «Давай не пойдем на собрание. Народу будет много. Не заметят... У меня будет ключ от девятого этажа. Я все подготовлю». Ни о чем не спрашивая, я радостно кивнула...

Девятый этаж, это огромное хранилище документов, где работал Сергей. Я уже бывала там несколько раз – нескончаемые стеллажи с коробками, полумрак, запах старой бумаги и несколько уютных закутков в дальнем конце.

Сергей свил наше первое семейное гнездо из подручных материалов. Между стеной и старинным письменным столом он уложил несколько телогреек, которые накрыл белыми халатами.

Последнее, что я хорошо помню: мы стоим с Сергеем рядом и смотрим на наше брачное ложе. Потом почти полный провал в памяти. Сумбур из ярких осколков: мы пытаемся раздеть друг друга, дрожащие руки, страх, жаркие беспорядочные действия, жажда, боль, восторг...

Сергей не успел мне сказать, но я думаю, что это было у него первый раз в жизни. Первый и последний. Второй нам не дали закончить...

Они вошли в хранилище стремительно, подгоняя друг друга грубыми шутками. Надвигающийся топот заставил Сергея вжать меня в телогрейку. Я почти ничего не слышала – уши утонули в складках халатов.

Их было пятеро. Они остановились у стеллажа всего в нескольких метрах от нас. Тот, кого остальные называли Титан, чувствовал себя хозяином. Он все время приговаривал: «Я его надежно спрятал. Сейчас сами увидите... Вот оно! Читайте. Только, как договорились, никому ни слова...»

Кто-то другой начал читать документ. Делал он это тихо и до меня долетали лишь отдельные фразы, самые важные, которые выделялись голосом, а иногда повторялись: «Завещание... Все оставил в усадьбе... Родовое гнездо Барковских... Только на добрые дела... Ключ от шифра...»

Потом они начали возбужденно спорить. Стало ясно, что ребята не совсем трезвые, а содержание документа опьянило их еще больше.

Мы затаились и ждали. Что нам еще оставалось? Если пятерка быстро завершит свои споры и вернется на танцы, то они вполне могут нас не заметить. Это если они сразу пойдут к выходу, а если кто-то сделает несколько шагов в нашу сторону... Почти вся одежда Сергея лежала на письменном столе, а наши ноги торчали из-под него.

Улучив момент, когда разговор за соседним стеллажом стал особенно громким, Сергей стал уползать вперед, продвигая и меня и грудку телогреек.

Теперь в просвете между коробками я могла видеть этих ребят. Не всех сразу и не целиком, но я их узнала. Один из них, Вася Самсонов, работал вместе с Сергеем. Игоря Лабоду я знала по комитету комсомола. Другие лица мелькали в столовой, на собраниях...

Я успела заметить, что встреча пятерки завершается. Они разделили одну из бумажек на пять частей и распилили эти листочки по карманам. Основной документ был заправлен в большой желтый конверт и отправлен в коробку, а ребята начали выходить в центр хранилища.

Очевидно, нервы Сергея не выдержали: он приподнялся надо мной и стал стаскивать со стола свою одежду. Это ему удалось, но брючный ремень зацепил консервную банку с карандашами. Все это грохнулось на пол, зазвенело, покатилося.

Все остальное произошло мгновенно: топот ног в нашу сторону, тряпки, закрывающие мое лицо, злые крики, звук удара и обмякшее тело Сергея... Потом начали душить меня.

Я не знаю, когда я очнулась, прошло ли пять минут или час. Попыталась пошевелиться, но руки не слушались: левая была прижата, а в правой я ощутила что-то массивное, холодное... С трудом приоткрыла один глаз – расплываясь в тумане на меня смотрел еще один мой знакомый, Саша Гутман. Он не был в той пятерке, но у меня не было сил соображать, как здесь оказался еще один человек.

Поняв, что я жива, Саша отскочил в сторону, пробежал за стеллажи, где недавно стояли те пятеро, вытащил из коробки желтый конверт и побежал по коридору.

Я успела услышать, как за ним захлопнулась дверь хранилища, и опять вырубилась.

Очнулась я только в больнице, нет, реально я очнулась только через год, за который я успела побывать подозреваемой в убийстве, выйти замуж, родить...»

Любовь Сергеевна пересказала Олегу Крылову только часть своих воспоминаний, только факты из случая в хранилище. Она понимала, что этого недостаточно. Она ждала вопросов.

– Странная история, Любовь Сергеевна. Странная и страшная... На следствии вы рассказали правду?

– Следователь появился в больнице только через три недели. Для него все было ясно. Он считал, что был факт изнасилования – это подтверждали все экспертизы. С моей же стороны была необходимая оборона. Дело можно закрывать. Требовалось только мое заявление.

– И вы согласились?

– Нет, Олег! Тогда я не могла предать Сергея. Это я сделала позже. А тогда я рассказала следователю правду. Назвала фамилии и описала всех пятерых. Сообщила о возможном свидетеле.

– И следователю все это очень не понравилось? Еще бы – можно закрыть дело об убийстве, а вы ему предлагаете бегать, искать, копать.

– Именно так. Он все записал, недовольно покачал головой и ушел... через неделю он сообщил, что Александр Гутман три дня назад отбыл на ПМЖ в Израиль, а значит свидетеля нет. Названные мной ребята проверены и нет основания их подозревать. Одним словом, или я соглашаюсь, что была изнасилована и защищалась, или мне сидеть за умышленное убийство.

– И вы согласились?

– Тогда еще нет... Сразу за следователем в палате появился Володя, один из тех пятерых. Я отвернулась к стене. Он положил цветы и бананы и тихо ушел... На следующий день он опять навестил меня. Потом поехал за мной в санаторий.

– Минуточку, Любовь Сергеевна. Давайте я их всех запишу. Один из пятерых мой клиент, вернее, меня наняла его жена. Это Андрей Шишов. Вы еще называли Василия Самсонова по кличке Титан и Игоря Лабоду. Так?

– Да. Игоря ребята называли Гарик.

– Это трое. Кто четвертый?

– Четвертый. Это Юра Воловик. Очень умный парень. Его называли Ботаник.

– Записал... Пятый, это Володя, который к вам приходил. Как его фамилия?

– Вы еще не догадались, Олег? Его фамилия Саблин.

– Не понял... Это ваш муж? Это отец Ланы?

– Отец Ланы – убитый в тот вечер Сергей Ляхов. А Саблин... Он долго уговаривал меня. Когда узнал, что я беременна, даже обрадовался: «Я заменю ребенку отца. Я всю жизнь буду искупать...» Я сдалась... Перед свадьбой мне пришлось задним числом подписать у следователя рад бумаг и дело закрыли.

– Вы с ними еще встречались? С мужем, понятно. А с остальными?

– Не просто встречалась. Мы с Вовчиком были на их свадьбах, крестили детей. Все пятеро, что называется, дружили семьями... Я ни разу не забывала, что один из них убил Сергея, кто-то другой душил меня. И сама я не лучше: Макс Ляхов остался жить как брат насильника, а их мать вскоре умерла...

– Но, Любовь Сергеевна, прошло уже двадцать два года. Почему вы вдруг написали эти письма? Вы действительно хотели их убить?

– Что вы, Олег? Убить я не смогла бы... Хотела их хоть чуть-чуть наказать. Хотела попугать.

– Но почему именно сейчас?

– Месяц назад, Олег, я увидела около дома знакомое лицо. Потом бабки около подъезда сказали, что кто-то выпрашивал обо мне и муже... Через три дня я столкнулась с ним около своей машины и сделала вид, что не узнала, хотя он почти не изменился: худой, высокий,

черненький, с пухлыми губами и толстыми очками. Типичное лицо еврейской национальности.

- Кто это был?
- Это был Саша Гутман.
- Так он же в Израиль уехал.
- Тогда уехал, а сейчас, очевидно, приехал.

* * *

Он всегда считал себя человеком деловым, обстоятельным и справедливым. Авантюрист? Да! Мошенник? Да! Но не вор, не истерик и не сволочь.

Дело, которое Александр Гутман уже два месяца готовил в Москве, было исключительно честным. На чужое имущество он не зарился, убийств не предвиделось. Так, немного беготни, дюжина психологических этюдов и легкий шантаж.

Интуиция подсказывала, что сбоя быть не должно. Это в первой половине жизни Гутман часто увлекался и ловился на пустышке, на туфту. В сорок пять лет такое непозволительно... Кроме того, сейчас ему очень нужны деньги. Они всегда нужны, но сейчас нужны очень! И большие...

Саша не зря в свое время работал в архиве, где его научили подбирать документы, вкладывать в корочки, подшивать, нумеровать. Сейчас перед ним на столе лежало шесть пухлых дел: пять персональных по каждому клиенту и одно общее под названием «Желтый конверт».

Два месяца назад эти папки были пусты. Сейчас их пухлость вызывала просто физическое удовлетворение. Это он наполнил их фотографиями клиентов, их жен, детей, друзей. Он достал адреса и планы их квартир и дач. Он составил расписание их жизни, собрал их привычки, пристрастия, их фобии и мании. Более того, он похнакомился с любовницами трех клиентов (остальные двое или были чисты, что сомнительно, или занимались этим делом сверхосторожно).

Саша придвинул к себе самую тощую папку. На обложке значилось: «Самсонов Василий Викторович, 1957 года рождения, кличка Титан, управляющий делами нефтяного концерна Макойл».

Этот клиент самый капризный, самый тайный. Сам всегда с телохранителями. Дача с высоким забором, с сигнализацией, с собаками и с охраной. В офисе вообще мрак. Кабинет Титана за тремя линиями обороны. В окнах тройные стеклопакеты – тонированные и бронированные.

Гутман чувствовал, что надо начинать именно с этого клиента. Он, конечно, Титан, но трус. Это Саша понял, когда обнаружил, что каждый четверг Самсонов освобождается от охраны, ловит такси и, втянув голову в плечи, озираясь, проскакивает в подъезд тихого дома в Бобровом переулке, где в снятой им квартире живет двадцатилетняя Ирочка. Не зря сказано, что у каждого Титана есть своя путана.

Ирочка провинциалка и по московским меркам простовата. А Самсонов при своем титаническом уме глуповат. Он думает, что все дни и вечера (кроме четверга) Ирочка читает умные книги и готовится к поступлению в институт. Как же! Конечно она не посещала тусовки верхнего эшелона – там можно было и со своим «милым Васенькой» столкнуться, но дома она тоже не сидела.

Учитывая доверчивость девушки, Саша познакомился с ней простеньким классическим способом.

В прошлую среду по пустынному Боброву переулку шли трое: Ирина, подходившая к дому, в пяти метрах за ней Саша Гутман, а навстречу хорошо проинструктированная личность бандитского вида.

Личность у самого подъезда нападает на Ирину, грубо матерится, отнимает сумочку и грозит отнять часть. Гутман бросается спасать, вырывает сумку и получает удар бутылкой по голове. Результат: «бандит» бежит, Саша лежит, Ирина охает, поднимает спасителя и ведет к себе на квартиру...

Вспоминать о дальнейшем было невозможно без сожаления. Переполняемая благодарностью, Ирина была готова на все. И все складывалось. Было где, было чем, было кого, но Гутман устоял. Он оказался крепче Титана... Уходя от Ирины, Саша забрал с собой лишь ее улыбку и слепки ключей от квартиры, в которой оставил более дорогое: долгоиграющий диктофон, реагирующий на звук голоса... Это было в прошлую среду, а в прошлую же пятницу титановой Ирине был нанесен визит с цветами. Пока розы обрезались и опускались в воду Саша извлек из спальни диктофон с достаточно чистой записью: взволнованный голос Самсонова, воркование, охи-вздохи, скрип...

Досье Самсонова было тощим, но в нем был номер прямого телефона нефтяного управляющего. Эти семь цифр стоили Гутману трех сотен баксов. Страшные времена! Все продается, все покупается.

Сегодня был четверг... Саша взглянул на часы – пора! Около семи вечера он будет у дома на Бобровом переулке. В семь двадцать туда прибежит жаждущий любви Самсонов. Значит заходить, используя новенький, но уже проверенный ключ. Ровно в восемь! В самый разгар. Противника надо брать тепленьким и в самой неудобной позе...

Самсонов оказался не таким уж трусом. Не орал, не возмущался, не прятался под одеяло. Был виден деловой подход: раз пришел ко мне человек, то надо поговорить... Он гордо натянул трусы и жестом пригласил Гутмана в гостиную. За его спиной Ирина отчаянно делала Саше жесты, прикладывая палец к губам. «Хотелось бы помочь тебе, милая Ирочка, но... Лес рубят, щепки летят. А ты в моем большом деле очень маленькая щепочка...»

Человек редко совсем случайно занимает высокий пост. В досье Самсонова в раздел черты личности Гутман вынужден будет записать: «...очень крепкие нервы, умеет владеть собой, хорошая память».

Самсонов успел на ходу накинуть рубашку, вытащить из бара коньяк и жестом указал Саше на кресло около журнального столика:

– Садитесь, незванный гость. Я понимаю, без причины в чужую квартиру не врываются... Давно мы не виделись, Гуталин. Странно, прозвище помню, а имя... Гутерман? Нет, Гутман. Именно – Саша Гутман. Я был на комитете, когда тебя из комсомола исключали.

– Да, было такое дело. И, что характерно, ровно за неделю перед ноябрьским вечером.

Гутман всегда чувствовал в себе актерские способности. Не каждый мог бы так многозначительно выделить два последних слова. Интонация была убийственная: спокойная уверенность, ехидство и отсутствие злобы. Гутман заявлял о своем превосходстве, но приглашал к взаимовыгодному диалогу.

Самсонов все понял правильно. Он прошел в коридор, прикрикнул на Ирину, запер ее в спальне и вернулся к столику с коньяком.

– Значит, Саша, ты что-то знаешь о том вечере?

– Знаю!

– Что?

– Все!

– Откуда?

– Был я там.

– Где?

– В хранилище. Был там, все видел и слышал.

– Допустим... Все это, Саша, маловато для шантажа. Кто этим заниматься будет? Срок давности давно истек. Это раз! Второе – ты один, а нас пятеро. Можем и за лжесвидетельство привлечь.

– Согласен! Но у меня и прямое доказательство есть. Взгляни на эту ксерокопию.

– Ну и что? Чья-то грязная лапа.

– Не лапа это, Титан. Это кровавый отпечаток. Пальчики очень хорошо различимы, а кровь убиенного Сережи Ляхова. Сейчас это в два счета докажут... Теперь сопоставь.

Самсонов еще раз посмотрел на ксерокопию с грязными неполными отпечатками ладони. Потом взглянул на свои пальцы...

– Ты где это взял?

– Где взял, где взял... Очень вы суеились над клиентом. Кто-то оперся на стол, а там листочки лежали. Пришлось за вами убирать... Спас я вас тогда, Титан! Всех, не всех, но одного спас точно. А он бы на следствии и остальных подтянул.

Самсонов влил в себя рюмку коньяка, хотел налить еще, но... Рюмка маленькая, жажда большая, а бутылка в руках. Он сделал несколько глотков прямо из горлышка, неторопливо выдохнул, переждал пару секунд и приложился еще.

– У тебя все, Гутман?

– Почти... Вот кассетка. Это запись твоей последней встречи с Ириной. Очень эмоциональный контакт... Это не для следствия. Это для жены твоей. Очень ты о ней грубо высказываешься. Просто стыдно...

Самсонов опять потянулся к коньяку, но Саша перехватил бутылку и поставил ее за свое кресло.

– Пока не договорились, Титан, ты мне трезвый нужен.

– Что ты хочешь?

– Пустяки. Небольшую сумму на оперативные расходы и зашифрованную часть завещания.

– Мы ее разорвали.

– Видел я все. Не разорвали, а разделили на пять частей.

– Послушай, Гутман, а желтый конверт у тебя?

– Тугодум ты, Титан. Только сейчас догадался? Да, ключ у меня, а замок у вас. И тот на пять частей разобрали... Ты, кстати не вздумай сообщать обо мне своим поделникам.

– Почему?

– Соберетесь вместе. Сдуру решите, что коллектив это сила, и начнете глупости делать... Я привык с индивидуалами работать.

Очевидно коньяк оказал свое благотворное действие. Самсонов расслабился, откинулся в кресле и даже улыбнулся:

– Я тебя уважаю, Гутман. Красиво работаешь. На такой эlegantный шантаж даже обижаться грешно... Поедем-ка мы сейчас на дачу. Интересующий тебя документик все равно там... И сауна там и все удовольствия. Ну, не все, конечно... Так мы можем Ирину прихватить...

По дороге на дачу молчали...

Гутман анализировал свои действия и пытался просчитать реакцию Титана.

Еще в квартире на Бобровом переулке он предупредил, что никогда не идет на шантаж без крепкой страховки. Любые глупые действия погубят всех. Самсонов должен был это понять и не дергаться... Зря, не взяли с собой Ирину. Лишний свидетель и вообще... Саша вдруг вспомнил, как недавно во дворе на Сретенке столкнулся с Любой Гниловой. она очень

изменилась. А в тот вечер она была изумительно хороша... Узнала она его или нет? Трудно сказать. И он изменился и встреча была случайной...

Это только кажется, что вся жизнь состоит из случайностей. Все мелкие и крупные события это звенья, которые нам подбрасывает судьба или Высшая закономерность. Потом она плетет из этих звеньев цепь и тащит нас по жизни...

Все мы немножко психи. У каждого есть задатки любых отклонений. Все зависит от умения держать наши пунктики в узде... Клептомания это болезнь. Но у кого не чесались руки, когда можно без приключений, на халяву стать обладателем чужой вещи? Не украсть, а вроде как присвоить... Или мания преследования? Кому приятно, когда ночью по темному переулку за тобой стучат каблуки? Вот они задатки самой распространенной мании... А боязнь замкнутого пространства. Или боязнь высоты. У кого не дрожали колени на краю обрыва? Еще адвокат Кони говорил, что у каждого в душе есть своя свора собак. Надо только уметь держать их на поводках.

У Саши Гутмана было две мании. Одна маленькая с политическим оттенком, другая большая с сексуальным.

Первое – Саша очень не хотел быть евреем. К двадцати годам у него уже был план, как избавить себя и особенно своих детей от этого недостатка. Девушек он выбирал пофамильно. Наиболее подходящей представлялась Катя Егорова. При женитьбе можно взять ее фамилию, а первого сына назвать Иван... Когда замаячил отъезд в Израиль этот пункт у Александра Моисеевича Гутмана отпел сам собой вместе с Катей. Действительно, что будет делать в Израиле его сын Иван Александрович Егоров?

От второго пунктика Саша не избавился до сих пор. Его очень тянуло подглядывать и особенно за лицами противоположного пола.

Началось это, когда подросток Сашенька Гутман плыл с родителями по Волге. Старый пароход доставлял туристов в Астрахань, день стоял и шел обратно. Все удовольствие длилось двадцать два дня.

В первый же день в железной переборке между женским и мужским душем попало на глаза ржавое отверстие величиной с пяток. Случайно Саша наклонился и заглянул в дырку. От увиденного все внутри забурило, затрепетало и возрадовалось.

В этот день Гутман мылся в душе еще три раза. Потом стал целенаправленно поджидать захода в соседнюю кабинку самых интересных особ...

Эта навязчивая идея не стала болезнью, но и не отпустила его. При каждом удобном случае он не мог утерпеть... Через год была поселковая баня, под окна которой Саша поставил лестницу... Потом были пляжные раздевалки... В семнадцать лет он упрямил родителей подарить ему мощный бинокль и вечерами шарил по окнам соседнего дома...

А уж тот самый эпизод в архивном хранилище был явно случайностью... Очень не хотелось идти на торжественное собрание. Удобней всего было опаздывать и потом потихоньку смотаться.

Саша затаился в дальнем углу хранилища, хозяином которого был Сергей Ляхов. Он до последних минут работал, двигал мебель, копошился в закутке. Когда он запер свое хозяйство, Саша выполз из своего укрытия и готов был идти домой. Хотел, но не смог. Аккуратный слой телогреек и белоснежные халаты на них не оставляли сомнений.

Саша очень торопился, сооружая из груды новых коробок для архивных дел нечто наподобие блиндажа с амбразурой, направленной на место действия, на сцену. Именно! Это был не блиндаж, а закрытая ложа в театре одного зрителя.

Актеры появились очень скоро. Профессиональность их оставляла желать лучшего. Первое действие они играли слишком быстро, суматошно, но искренне и эмоционально.

В самом начале второго действия хлопнула дверь, послышался топот и рядом со сценой в проход между стеллажами вошли пятеро ребят, каждого из которых Гутман хорошо знал. Они и не предполагали, что ворвались в чужой спектакль в непонятной роли. Для Саши это были новые действующие лица, но не из той оперы. А для актеров – опоздавшие и, главное, совершенно ненужные зрители.

Актеры замерли, а пятерка занималась своим делом. Вася Самсонов достал из коробки желтый конверт, который осмотрели со всех сторон и передали Игорю Лабоде.

Когда Гарик завершил чтение содержавшегося в конверте документа, прятавшийся в куче коробок Саша Гутман уверовал в судьбу. Именно она привела его сюда. Влюбленная парочка была лишь приманкой, призывным гласом судьбы. Главное же здесь, в этом желтом конверте, который некий граф Сергей Барковский вложил свое завещание. Сделал он это в конце войны в далеком, еще не взятом Белграде.

Гутман знал, что двумя этажами ниже есть закрытое хранилище. Секретные фонды. Спецхран, одним словом. Кроме причего, там лежат и белогвардейские архивы, привезенные в сорок пятом из освобожденного Белграда. Людей – в лагеря, а все бумаги сюда... Но как этот конверт перекочевал из спецхрана в коробку с мало кому нужными делами Наркомпроса времен Остапа Бендара? А важно ли это?

В схроне из коробок было тесно. Дрожащие от волнения пальцы били по пустотелым картонным блокам и Саше пришлось сжать руки в кулаки. Лежащая за столом парочка его уже не интересовала совершенно. Желтый конверт рождал азарт и возбуждение во сто раз большее. Такое, как у старателя, нашедшего золотую жилу, или у игрока, готового сорвать миллионный банк.

Первые строчки завещания деньгами не пахли. Благородный граф Барковский заявлял, что оставляет детям и внукам честь, достоинство, любовь к России. Вещи, конечно, важные, но не очень материальные.

Конец документа ошеломлял. Особенно после фраз: «Все наше фамильное достояние я оставил в России. Спрятал в нашей усадьбе в Бродниках...»

О размере «достояния» Барковских говорило обращение графа к своим наследникам: прошу, мол, вернуться, найти мой клад и направить все на благо России, на возрождение флота, на постройку университета в городе Уварове и трех церквей. Было ясно, что речь идет не о фамильном серебре и паре бабушкиных сережек.

Последние строчки насторожили... Стало ясно, что наследников пять человек и что граф большой оригинал и любитель криптографии. Он зашифровал место хранения клада: ключ – на обороте конверта, а основной текст на пяти записках для каждого наследника. Прочсть можно только соединив все вместе... Умный был дед: дружите, дети мои, иначе ничего вам не достанется.

Ребята, стоявшие между стеллажами обсуждали ситуацию недолго, но бурно. Это не было спором. О чем тут спорить? У графа было пять наследников и их пятеро. Значит они и есть наследники. Шифровку разделили и каждый взял свою часть. Желтый конверт вернулся в коробку. Так надежней – никто не сможет предать или обмануть. А уж летом они одновременно возьмут отпуска и вместе в город Уваров... Дальнейшее было совсем просто: они вместе расшифруют текст, найдут усадьбу в Бродниках, выкопают, разделят...

Споры начались на последнем этапе и на самую интересную тему, как тратить деньги.

Гутман с удивлением отметил, что голоса у ребят становились все более пьяные. Пока они пробирались в чужое хранилище, водка, которую они выпили до концерта, их не брала. Но при расслабляющих мечтах о сундуках с золотом она воспрянула и ударила в головы ребят.

Смешно, но их желания были примитивны. Правда, и старуха на первом этаже захотела лишь новое корыто.

В пьяном гомоне Саша различал фразы: «Куплю два магнитофона, буду записи делать и продавать...» «У меня дед на Волге живет. Купим лодку с мотором и пять спилингов...»

Ребята уже собирались уходить, когда вдруг началось страшное... Парочка за столом начала уползать поглубже в угол, Сережа Ляхов в поиске своих брюк смахнул со стола стакан с карандашами. Грохот, топот, злобные крики, удары, хрипы...

Когда захлопнулась дверь, Гутман переждал пару минут и выбрали из своего укрытия. К столу он подходил осторожно. Ему казалось, что сейчас он услышит стеснительный визг Любы Гниловой, а Сергей натянет наконец брюки и попытается дать ему, Гутману, в глаз – чтоб не поглядывал... Пока Саша никак не думал об убийстве.

Он завис над неподвижными телами.

Рана на виске Сергея не оставляла сомнений... Его кровь залила половину лица Любы, а в ее правую руку был вложен чугунный брусок, каких в архиве десятки или сотни – ими очень удобно прижимать страницы пухлых дел.

Когда Люба попыталась открыть глаза, Гутман бросился к выходу, но притормозил у первого стеллажа: желтый конверт должен быть у него!

...Позвонил Саша из уличного автомата: «В архиве убийство. Один ранен. Нужна скорая помощь...» Себя он не назвал, но этот звонок всю жизнь грел его душу. До своего отъезда в Израиль он успел услышать в курилках архива много диких версий о случившемся. Но одну фразу, сказанную врачами, передавали все: «Успели! Через двадцать минут она бы умерла...»

Утром, проснувшись на даче у Самсонова, Саша почувствовал себя гадко. Его грызла совесть.

Самсонов вчера без всяких предисловий передал ему зашифрованный листок, который, как он сказал, хранил вместе с десятком других сувениров молодости.

Потом они вкусно ели, много пили, парились в сауне, вспоминали старых знакомых, обнимались... Самсонов выглядел искренним другом. Зачем надо было записывать его страстные речи в постели с Ириной? Зачем надо было врываться в квартиру на Бобровом, шантажировать...

Через час они уже сидели с титаном на заднем сидении его «Мерседеса». Титана ждал в Москве его нефтяной бизнес, а Гутмана очередной хранитель шифра...

Подмосковные дороги бывают очень пустынные. Встречных машин не было, а перед ними маячила лишь одна черная «Волга», которая начала притормаживать и вдруг остановилась, развернувшись и перегородив дорогу.

Вышедшие из «Волги» трое служивых людей с автоматами вразвалочку подошли к Мерсу, выволокли на свет божий сначала водилу, потом охранника, который все время оглядывался на шефа ища у Самсонова защиты.

После небольшой беседы водитель с охранником легли на обочину «мордой в песок» и положили руки на затылок.

Через минуту на руках Самсонова защелкнулись наручники, а на его голову был натянут мешок.

Очевидно, Гутман был лишней персоной и для него мешка и наручников сразу не готовили. Один из автоматчиков подошел к «Волге» и начал копаться в багажнике.

Не надо было быть очень сообразительным, чтобы понять, что это похищение. Или с целью выкупа, или с целью убийства.

Быть похищенным, особенно со второй целью, Гутману очень не хотелось, а шесть лет его службы в израильском спецназе тоже даром не прошли.

Он выполз из машины с высоко поднятыми руками. Весь его скорбный вид и дрожащие коленки изображали испуганную покорность и явное непротивление злу.

Стоявший у машины автоматчик не возражал. На стоячего и мешок легче натягивать и наручники одевать. И вообще – приятно чувствовать власть даже над этим немолодым уже лохматым очкастым евреем.

Подошедший второй автоматчик позвенел наручниками и расправил их на уровне пояса, предлагая Гутману вложить в них руки.

Оба конвоира смотрели вниз, а руки будущего пленника подняты очень высоко, чуть выше их голов.

Такое положение было лишь одну долю секунды. Во вторую Саша выбросил ладони вперед, захватил головы служивых и резко с силой направил их во встречном направлении.

Они ударились лбами и мягко осели на землю...

К ближайшей роще Гутман бежал зигзагами – очень не хотелось получить пулю в спину. После такого удара ожидать от автоматчиков прицельной стрельбы не приходилось, но если те очнулись, то сдуру могли и попасть.

Саша был уже в полусотне метров от дороги, когда прозвучала первая очередь. Он успел взлететь на небольшой холмик, театрально взмахнуть руками и «замертво» свалиться, выпадая из сектора обстрела... «Сейчас эти вояки будут совещаться: оставить меня и сматываться, бежать ко мне ради контрольного выстрела...»

Гутману удалось выставить один глаз между кочкой и березкой: парни в комужляке не опускали автоматы, но и не бежали вперед. Они ждали команды от главного, который стоял рядом и что-то кричал, зло и грозно. Одно слово – Титан... Самсонов был уже без наручников и, естественно, без мешка на голове. Вытянутая вперед рука указывала на холмик, за которым спрятался Гутман. Эта поза напоминала зовущие к победе скульптурки перед зданиями горкомов...

Саша вскочил, сделал бросок метров на двадцать и свалился за очередной холмик. Только потом он понял, что лежит посреди проселочной дороги на краю картофельного поля. Справа малой скоростью приближался грузовик с мешками покрытыми брезентом, а сзади должна была начаться погоня.

Гутман бросился к КАМАЗу, обогнул его, схватился за задний борт и вспорхнул наверх, ловко укутываясь в складки брезента...

Уже в Москве на первом же светофоре Саша оставил гостеприимный картофелевоз, отряхнулся и смешался с толпой добропорядочных граждан, спешащих на работу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.